

Штанько Марина Александровна

МОДЕЛЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИСТОРИЧЕСКОГО КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме смены исследовательских парадигм в современной западной историографии. Автор ставит задачу охарактеризовать специфику использования компаративного анализа в историографии и раскрыть особенности модели в качестве результата данного анализа. Основное внимание в работе автор акцентирует на причинах, по которым произошло обращение к компаративному анализу в современной западной историографии. Выделены основные подходы к пониманию сущности исторического факта в качестве основы компаративного исследования. Автор выделяет характеристики модели как результата компаративного анализа и обобщает материал, раскрывающий особенности и возможности использования моделей в историческом знании.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 206-209. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 303

Исторические науки и археология

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме смены исследовательских парадигм в современной западной историографии. Автор ставит задачу охарактеризовать специфику использования компаративного анализа в историографии и раскрыть особенности модели в качестве результата данного анализа. Основное внимание в работе автор акцентирует на причинах, по которым произошло обращение к компаративному анализу в современной западной историографии. Выделены основные подходы к пониманию сущности исторического факта в качестве основы компаративного исследования. Автор выделяет характеристики модели как результата компаративного анализа и обобщает материал, раскрывающий особенности и возможности использования моделей в историческом знании.

Ключевые слова и фразы: исторический компаративный анализ; методология; модель; моделирование; историография; методы историографии.

Марина Александровна Штанько, к. филос. н., доцент

Кафедра истории и регионоведения

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

nikam13@rambler.ru

МОДЕЛЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИСТОРИЧЕСКОГО КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА[©]

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ МД-1336.2011.6 (соисполнитель) и в рамках госзадания «Наука».

На рубеже XX-XXI веков происходит активная смена исследовательских парадигм в западной историографии. Это связано с несколькими факторами. По мнению М. Ю. Мухина, до тех пор, пока историков главным образом занимали вопросы «что, как и когда?», доминировало представление о том, что «история не знает составительного наклонения» и, с этой точки зрения, смоделирована быть не может. По мере того, как исследователи всё чаще стали задаваться вопросом «почему?», историки раз за разом стали углубляться в попытки смоделировать альтернативную версию исторических событий [5]. Кроме того, появились новые информационные каналы, активизировались процессы мировой политической, экономической и социокультурной интеграции, произошло переосмысление человеком реалий окружающего мира, в региональных конфликтах стали доминировать национальные проблемы, понизилась эффективность методологии истории и историографии по сравнению с методами других социальных наук. Все вышесказанное заставляет историографию обратиться к междисциплинарным методам, основным из которых, безусловно, является компаративный анализ.

Поддерживая тонус напряженного теоретического поиска, пытаясь противостоять натиску девальвации (если не дискредитации) самого образа истории как научного познания, современная историография должна соответствовать определенным критериям, которые, по мнению Н. В. Трубниковой, принципиально важны для дальнейшего развития исторической науки [9, с. 4].

Специфика использования компаративного анализа (или компаративистики, как мы будем называть его ниже) в исторических науках заключается в том, чтобы сделать максимально узнаваемым исторический факт или историческое событие. Для достижения этой цели исследователи решают несколько задач, основной из которых является отбор исторического материала, который будет использоваться для характеристики объектов сравнения.

Проблема заключается в том, что исследователь стоит перед выбором: какой материал считать нужным для компаративного анализа, а какой – нет. Фактически при решении этой задачи историки пытаются ответить для себя на один вопрос: какой исторический материал является истинным для проведения данного анализа? В попытках ответить на этот вопрос исследователь сталкивается с необходимостью сформулировать собственное отношение к историческому факту. Формируя это отношение, он всегда помнит о том, что существует несколько принципиально противоположных подходов к сущности исторического факта и, следовательно, его истинности.

Один из подходов сформировался в рамках исторического конструктивизма и является очень популярным в западной историографии. Согласно этому подходу, исторический факт есть не что иное, как результат конструирования, осуществляемого историком из исторических свидетельств. Л. Голдстейн максимально полно сформулировал эту концепцию в своей работе «Историческое знание» и тем самым существенно расширил и систематизировал представление об исторических фактах в целом и об их влиянии на процесс получения исторического знания в частности [7].

Л. Голдстейн выделяет два понимания сущности исторических фактов: методологический и реалистический. Реалистическая позиция определяет факт в качестве реальных событий исторического прошлого, а методологическая – как результат исторического исследования [Там же]. Естественным образом, доминировать стал методологический подход, так как историк в основном оперирует материальными и документальными свидетельствами различных исторических событий и, следовательно, работает с обобщенными и интерпретированными фактами. Следует заметить, что эта позиция лежит в основе понимания исторических фактов как конструктивных элементов познания.

Л. Голдстейн не отдает предпочтения ни одному из этих двух подходов в силу их несовершенства (представители первого подхода грешат тем, что игнорируют творческую роль историка; представители второго впадают в ошибку кантианского отрицания объективной действительности, ибо сомневаются в возможности отнесения к ней исторических суждений) и формулирует свою собственную альтернативную позицию по этому вопросу. Он определяет факт как «нечто, установленное в ходе какого-либо вида интеллектуальной деятельности, в ходе какого-то исследования, предпринятого с целью установления требований к знанию», формулируя при этом определенные требования к историческому знанию. К числу таких требований он относит истинность, доказательность, объективность, методику и технику исследований и т.п. [Там же].

Ф. Коркюф, анализируя достоинства и недостатки исторического конструктивизма, определяет его сущность следующим образом: «В конструктивистской перспективе социальные реалии рассматриваются как исторические конструкции, ежедневно создаваемые индивидуальными и коллективными субъектами» [4, с. 48]. Эта позиция позволяет приблизить историческое знание в область междисциплинарности, так как определяет социальную реальность как продукт именно исторического конструирования, доступный для других форм гуманитарного знания.

В целом позиция исторического конструктивизма при всех своих безусловных плюсах имеет один, но весьма существенный недостаток: она лишает исторический факт статуса научности. Отдавая приоритет не сущности исторического материала, который является основой факта, а схеме формирования факта, исторические конструктивисты создают себе серьезную проблему: они не могут говорить в конечном итоге об истинности конструируемого исторического факта, а следовательно, и об истинности всего исторического знания. Именно этот недостаток и не дал конструктивизму завоевать такое же прочное положение в истории, как он завоевал его в философии и политологии [10, с. 194].

Еще одно понимание сущности исторического факта предполагает определение его в качестве абстракции, в которой закреплены некоторые характеристики исследуемого эмпирического объекта. Подобной позиции придерживается, например, А. Я. Гуревич, который отождествляет «факт» с такими категориями, как «историческое событие» и «процесс». Таким образом, факт выступает у него не как понятие, а как «научно-познавательный образ», т.е. единство абстракции и конкретно-чувственного представления об объекте [2].

Своеобразным разъяснением предыдущего понимания исторического факта служит концепция А. И. Уварова, согласно которой «исторический факт – это такое достоверное знание о событиях и процессах социального прошлого, где чувственное и рациональное знание синтезированы, а общее – обязательно облечено в единичную или особенную формы, знание, которое строго фиксировано по отношению к определенным историческим явлениям и относительно завершено в самом себе» [11, с. 21-22]. Фактически Уваров разводит такие понятия, как исторический факт и историческое описание, выделяя в качестве оснований для их различия достоверность и обобщаемость.

Все вышесказанное позволяет сформулировать три основных подхода к пониманию сущности исторического факта. В первом случае факт отождествляется с конкретным событием (ситуацией, процессом), во втором случае факт понимается как знание о конкретном событии (ситуации, процессе), и, наконец, в третьем случае факт отождествляется с истиной.

В целом большая часть исследователей сходится на том, что исторический факт представляет собой содержание исторических описаний. В этом качестве исторический факт, во-первых, позволяет четко выделить достоверные описания, во-вторых, отделить эмпирические описания от не эмпирических, и, наконец, в-третьих, определить, какие описания являются историческими, а какие – нет. Эти особенности позволяют сформировать именно историческую базу для проведения компаративного исследования и тем самым сохранить специфичность компаративистики в истории.

Однако не следует забывать о системности исторического факта, которая позволяет определить его не в качестве единичного события, но в качестве процесса, представляющего собой совокупность целого ряда исторических явлений. С этой точки зрения факт очень часто воспринимается в качестве модели, которая позволяет определить его как сложную систему деятельности, включающую в себя разнообразные исторические детали.

После того, как очерчено пространство исторического анализируемого материала, исследователь начинает выделять критерии сравнения. Эти критерии напрямую связаны с целью анализа и должны с ней соотноситься. Характер этих критериев диктуется не только аналитическими целями и задачами, но исторической ситуацией, личностью исследования и научными тенденциями, доминирующими в данный период в исторической науке. Именно поэтому концептуальные модели истории, предложенные теоретиками разных научных школ в разные исторические эпохи, так отличаются друг от друга. Каждая концептуальная модель – это базовая научная интуиция, интуиция истории как целого. Перефразируя И. Канта, можно сказать, что концептуальная модель истории – это неповторимый авторский совокупный синтез всех исторических явлений и регулятивная идея Истории как его результат. Вот почему при рассмотрении каждой концептуальной модели так важно помнить, что ее создатели – ученые – принадлежали к определенной эпохе и использовали свой исторический опыт и интеллектуальный багаж для объяснения и понимания Истории как целого [6].

Универсальность критериев есть требование, которое обуславливает максимальную эффективность компаративного анализа и позволяет использовать результаты данного анализа в других аналогичных исследованиях. С этой позиции мы можем трактовать полученные результаты в качестве модели или конструкта, который существенно повышает верифицируемость научного исторического знания. С этой точки зрения мы понимаем конструкт в широком смысле, который предполагает не построение понятий (категорий), но формирование определенных аспектов исторического миропонимания [12], т.е. конструкт теоретический.

Д. А. Гагарина предполагает, что создание моделей в истории может быть использовано для моделирования следующих элементов. Во-первых, при моделировании исторических материальных объектов (от элементарного орудия труда или предмета быта до древнего поселения). В целом это направление получило название «исторические реконструкции». Во-вторых, при моделировании исторических явлений и процессов, от кратковременных событий до целых их цепей, протяженных во времени, на основе которых возможно получение закономерностей развития общества. Это определяется как математическое моделирование исторических процессов (клиодинамика), которое является на сегодня, пожалуй, преобладающим направлением. Наиболее широкое применение оно получило в демографии и в экономической истории. Третьим объектом моделирования в истории, по мнению Д. А. Гагариной, является исторический источник. Проблема моделирования исторического источника становится особенно актуальной в связи с необходимостью перевода исторических источников в машиночитаемый формат – в таком случае моделирование является средством формального представления источника. Модель исторического источника не представляет собой электронную копию бумажного источника или их группы и может являться по существу новым источником. Таким образом, историк выступает не только как потребитель, но и как создатель информации. И, наконец, собственно историческое знание (понятийный и категориальный аппарат, теории и гипотезы, парадигма и т.п.) также может выступать в качестве объекта моделирования. В исторической науке возможно построение теорий – идеализированных моделей, основанных на некотором количестве принимаемых гипотез; такие модели можно отнести к так называемой теоретической истории, цель которой выявление основных закономерностей развития общества [1, с. 27-28].

Во многом благодаря этим моделям история каждый раз являет нам торжество настоящего над прошлым: они заново воскрешают, реконструируют прошлое для современности, открывая в нем неведомые прежде грани. Они извлекают из забвения все новые и новые факты, когда-то не понятые равнодушными современниками, и создают неожиданные образы прошлого, заставляя их служить будущему [6]. В этой связи английский исследователь Р. Коллингвуд отмечает, что идея истории как целого принадлежит каждому человеку в качестве элемента его сознания, и он открывает ее у себя, как только начинает осознавать, что значит мыслить [3, с. 274].

Фактически в процессе компаративного анализа историк занимается не чем иным, как интерпретацией исторических фактов. В рамках этого процесса он осуществляет определенные действия: отбирает факты в соответствии с критериями важности, оценивает причинные зависимости, формирует представление о личных и общественных структурах, разрабатывает теории индивидуальной, групповой и массовой мотивации, составляет определенное понимание смысла истории – вкупе со смыслом существования вообще, которое независимо от факта своего признания составляет основу всего перечисленного [8, с. 235].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что историческая модель является результатом компаративного анализа исторических событий и явлений и выступает связующим звеном между эмпирическим и теоретическим знанием. Наиболее ценными являются модели, которые построены для дальнейшего изучения исторических явлений или исторических процессов, рассматриваемых с позиций системного подхода. Посредством использования в процессе данного типа исторического моделирования дедуктивного метода, метода восхождения от абстрактного к конкретному и наоборот происходит детализация и конкретизация исторического материала.

Именно ориентация на моделирование исторических процессов способствовала формированию прочного тандема компаративистики и моделирования. Стремление к исторической реконструкции явлений как процессов обусловило необходимость связывать едиными критериями разрозненные исторические факты и события.

Вместе с тем исследователи не обольщаются по поводу качества исторических моделей и всегда помнят о том, что исторический процесс противоречив и сложен, поэтому сформированные модели всегда будут по своему характеру относительны.

Список литературы

1. Гагарина Д. А. Моделирование в истории: подходы, методы, исследования // Вестник Пермского университета. Математика. Механика. Информатика. 2009. Вып. 7 (33). С. 26-33.
2. Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки [Электронный ресурс]. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-182677.html> (дата обращения: 20.06.2012).
3. Коллингвуд Р. Идея истории: автобиография. М.: Наука, 1980. 488 с.
4. Коркюф Ф. Новые социологии / пер. с фр. Е. Д. Вознесенской, М. В. Федоровой; науч. ред. Н. А. Шматко. М. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2002. 172 с.
5. Мухин М. Ю. Историческое моделирование, или История «понарошку» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.istrodina.com/old/istmodel.htm> (дата обращения: 20.06.2012).
6. О возможностях и границах историософской интерпретации [Электронный ресурс]. URL: http://wordweb.ru/filo_hist/59.htm (дата обращения: 20.06.2012).
7. Понятие исторического факта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.supersova.ru/krhistlist/show/6618> (дата обращения: 20.06.2012).
8. Тиллих П. История и Царство Божие // Философия истории: антология. М.: Аспект-Пресс, 1994. С. 232-248.
9. Трубникова Н. В. Историческое движение «Анналов»: традиции и новации. Томск: Томский государственный университет, 2007. 352 с.
10. Трубникова Н. В. Междисциплинарный альянс или конфронтация? Дискуссии французских историков и социологов по теории социальных наук // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308. № 3. С. 192-196.
11. Уваров А. И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973. 219 с.
12. Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс]. URL: http://epistemology_of_science.academic.ru/328/конструктивизм (дата обращения: 20.06.2012).

MODEL AS HISTORICAL COMPARATIVE ANALYSIS RESULT

Marina Aleksandrovna Shtan'ko, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of History and Region Studies
National Research Tomsk Polytechnic University
nikam13@rambler.ru

The author discusses the actual for today problem of research paradigms changing in modern Western historiography, sets the task to characterize the specificity of comparative analysis use in historiography and to reveal the features of model as the result of this analysis, pays special attention to the reasons of comparative analysis use in modern Western historiography, singles out the basic approaches to understanding the essence of historical fact as the basis for comparative research, emphasizes the characteristics of model as comparative analysis result, and summarizes the material revealing the features and possibilities of models use in historical knowledge.

Key words and phrases: historical comparative analysis; methodology; model; modelling; historiography; methods of historiography.

УДК 008.2

Культурология

В данной статье представлена культурологическая интерпретация понятия «меон» («не сущее») в дискурсе творчества русских авангардистов. Проанализирована концепция «творения из ничего» («creatio ex nihilo») применительно к искусству авангарда. Рассмотрены новые контексты культурного кризиса эпохи Серебряного века. Культурфилософское понимание Н. А. Бердяевым «меонической свободы» творчества, соотношенное с изначальной творческой интуицией авангардизма, получает дополнительное обоснование в результате проведенного анализа произведений одного из представителей группы ОБЭРИУ – К. Вагинова. Определены векторы осмысления понятия «меон» в художественном мире русского авангарда.

Ключевые слова и фразы: культура русского авангарда; меон; логос; эксперимент; словотворчество; кризис; футуризм.

Дмитрий Леонидович Шукуров, д. филол. н., доцент
Кафедра культурологии и литературы
Шуйский государственный педагогический университет
shoudmitry@yandex.ru

МЕОН И КУЛЬТУРА В ДИСКУРСЕ РУССКОГО АВАНГАРДА[©]

Работа выполнена в рамках проекта «Будущее России как культурно-цивилизационная возможность: актуализация пророческого потенциала отечественной интеллектуальной культуры» (ФЦП «Научные и научно-инновационные кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.) при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России.

Греческое слово «меон», как хорошо известно, означает в буквальном переводе «не сущее». (Сравните с буквенно-иероглифическим обозначением Иисуса Христа на иконах Спаса Нерукотворного: «хо – он», т.е. «сущий»). Термин по своему происхождению и использованию в древности имел философское и, конечно, богословское значение.

Прежде всего, это богословская идея «творения из ничего» (лат. «creatio ex nihilo»), которая в трудах святых отцов представлена со всей очевидностью. (Хотя непосредственно о «творении из ничего» говорится на страницах Библии только один раз, причем в неканонической книге: «Посмотри на небо и землю и, видя всё, что на них, познай, что всё сотворил Бог из ничего» (2 Мак. 7, 28)).

Изначальной творческой интуицией искусства авангардистов являлась концепция «чистой потенциальности» творческого акта *ex nihilo*. Концепция нашла реализацию в беспредметном творчестве супрематистов, в теории «освобождения слова» кубофутуристов, в индивидуально-авторском «жесте» Василиска Гнедова – в его знаменитой «Поэме Конца», представлявшей собой чистый лист, в обэриутском учении о слове, «очищенном от обиходной и литературной шелухи», и даже в перформативном отказе от творчества как такового в прото-концептуалистском проекте русских ничевоков.

Термин «меон» находит здесь применение как обозначение той изначальной творчески иррациональной стихии деструктивного и недооформленного смысла или даже пред-смысла, из которого с демонстративной щедростью черпается авангардистское вдохновение. После работ на эту тему современников авангардистов, известных свидетелей и оценщиков их творчества – П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, А. Ф. Лосева, термины «меон», «меоническая свобода» и т.п. стали своеобразными категориями модернистского